

А.В.Суворов

ПОД ФЛАГОМ ПЕРЕСТРОЙКИ

Не нами сказано - чужое охаять мудрости
немного надо, а свое придумать - не
одну ночку с боку на бок повертишься.

П.П.Бажов

Работа по воспитанию и обучению слепоглухонемых детей, которую организовали и долго возглавляли профессор И.А.Соколянский и доктор психологических наук А.И.Мещеряков, получила высокую оценку общественности и советского государства. Посмертно И.А.Соколянский и А.И.Мещеряков стали лауреатами Государственной премии СССР 1980 года. Наиболее полное философское осмысление этой работы дал великий советский философ, марксист - ленинец Э.В.Ильенков.

Все началось еще в 20-ые годы. С тех пор дело воспитания и обучения слепоглухонемых детей с огромным трудом, вопреки сталинизму и застою, развивалось и расширялось. Только война прервала эту работу, так что И.А.Соколянскому все пришлось налаживать сначала.

И всегда шла борьба двух подходов. Человековедческий подход исходит из понимания того факта, что, как писал Э.В.Ильенков, "...слепоглухота не создает ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего." (А.В.Суворов. Мужество сознания. "Вопросы философии", №4, 1988. См. приложение к статье). Понимая это, крупнейшие советские ученые рассматривали работу со слепоглухонемыми детьми как перекресток магистральных проблем человековедения, как работу по самому своему существу междисциплинарную. Загорский дом-интернат для слепоглухонемых детей при А.И.Мещерякове называли "синхрофазотроном общественных наук".

Дефектологический же подход всегда подчеркивал, наоборот, что данный "сложный дефект" - слепоглухонемота - не может не породить особых, специфических проблем. Задачи воспитания и обучения - особые, до предела облегченные, ибо те задачи, которые стоят перед массовой психологией и педагогикой, при слепоглухонемоте в большинстве случаев неразрешимы. Воспитание и обучение слепоглухонемых детей поэтому - узкоспециальная область дефектологии, в свою очередь являющейся узкоспециальной областью педагогической науки. Словом, никакой не перекресток магистральных проблем человековедения, а самый что ни на есть заброшенный закоулок переуллка.

После смерти А.И.Мещерякова именно дефектологический подход и возобладал. Это привело к тому, что бывший "синхрофазотрон общественных наук" постепенно превратился в обыкновенный приют, дом-интернат для детей-инвалидов. Поскольку нормальное человеческое развитие признается для большинства случаев невозможным, "воспитание и обучение" чем дальше, тем больше оказывалось пустой фразой. Так стало на деле. Ну, а общественности предоставили тешиться иллюзией, будто "синхрофазотрон" остается "синхрофазотроном". Тем более, что, пока держится эта иллюзия, существованию приюта ничто не грозит.

Всесоюзное разоблачение иллюзии, насколько знаю, началось со статьи О.Мариничевой "Слепоглухота" ("Комсомольская правда", 24 мая 1986). Затем появились другие публикации. На телевизионные экраны вышел фильм А.Арлаускаса и А.Суворова "Прикосновение", окончательно развеявший какие бы то ни было иллюзии насчет действительного положения дел в Загорске. О бывшем "синхрофазотроне" заговорили как о "нравственном Чернобыле".

Противники человековедческого подхода И.А.Соколянского, А.И.Мещерякова и Э.В.Ильенкова не могли отмалчиваться дальше. Давно похоронив человековедческий подход в психолого-педагогической практике, они решили попробовать похоронить его и в теории. Сей "возвышенной" цели соответствовал бы, конечно, только флаг со свастикой. Но так как этот флаг безнадежно скомпрометирован, в поход выступили под флагом "перестройки психологии", борьбы с "монополизмом" в науке, ведущим "к авторитарности в научном мышлении, нетерпимости к критике и иным точкам зрения, ущербности, застою, победе лысенковских тенденций в тифлосурдопедагогике". Все эти жуткие обвинения взяты мною из маленькой, но предельно озлобленной статьи С.А.Сироткина и Э.К.Шакеновой "Актуальные проблемы тифлосурдопедагогике в свете перестройки психологии" ("Вопросы психологии", №5, 1988). Одновременно появилась более объемная и сдержанная статья этих же авторов "История выдающегося эксперимента: мифы и реальность" ("Психологический журнал", том 9, №5, 1988). В их поддержку одновременно выступил А.Кондратов со статьей "История эксперимента" ("Наша жизнь", №10, 1988). А.Кондратов повторяет обвинение в фальсификации и подтасовке фактов, в монополизме, а про "лысенковские тенденции" молчит, вероятно, по забывчивости.

Доказательством обвинений наши храбрые воители себя не утруждают. "Иные точки зрения", к коим мы должны быть терпимыми, не излагаются. "Излагаются" - извращенно - только критикуемые взгляды, а о своих авторы в лучшем случае упоминают мельком. У "жестовиков" (тех слепоглухонемых,

которые общаются в основном жестами) "имеется "здоровый смысл", - возражают они И.А.Соколянскому в "Психологическом журнале". "Неправомерно категорически отвергать роль биологического (в частности, генетического) фактора в психическом развитии человека" ("Психологический журнал"), - поучают они А.И.Мещерякова, Э.В.Ильенкова, А.Н.Леонтьева и их единомышленников. "В действительности, в становлении и развитии психики, в жизни каждого слепоглохого остаток зрения и слуха играют роль, которую невозможно переоценить" ("Вопросы психологии"), - ставят они на место академика В.В.Давыдова и доктора философских наук Ф.Т.Михайлова, чуть выше обвиненных в незнании "фактологии".

Признание (не защита, предполагающая аргументацию, а только голословное признание) "здорового смысла жестовика", а также роли биологического фактора и остатков зрения и слуха в психическом развитии, - вот то небольшое, что с очень большой натяжкой можно посчитать "собственной точкой зрения" Сироткина и Шакеновой. На этом фоне содержательное богатство "критикуемых" взглядов прямо-таки бросается в глаза. Спасибо, впрочем, и за эти намеки на "собственную точку зрения". Ведь наши авторы со своих олимпийских высот не снисходят даже до серьезной критики, - они просто судят, осуждают, поносят на чем свет стоит. А где это видано, где это слышано, чтобы "высший судья" отчитывался перед "грешниками" в своих божественных предназначениях?

В чем выражается наш "монополизм"? Никакого практического влияния на загорские дела мы давно уже не имеем, - там господствует узкий дефектологизм и приютское обслуживание безнадежных инвалидов. По-видимому, весь наш "монополизм" выражается только в том, что мы, якобы, претендуем на всеобщность своих взглядов. В "Психологическом журнале" Сироткин и Шакенова выносят следующий приговор:

"На современном этапе развития науки данную концепцию нельзя считать вполне адекватной и тем более претендующей на роль всеобщей модели для поисков общих закономерностей развития человека. Если она в полной мере не срабатывает в своей "дефектологической" области - тифлосурдопедагогике, то это свидетельствует о ее недостаточно верной разработке. Следовательно, она еще далека от права быть всеобщей моделью в науке".

Итак, мы "монополисты", потому что наши авторы благополучно перепутали всеобщность проблем с безраздельным - "монополистическим" - господством тех или иных теоретических воззрений. Но это уже подробности Сироткина и Шакеновой. Мы безраздельного господства концепций со всеобщностью проблем никогда не путали. К безраздельному

господству своих взглядов никогда не стремились и не стремимся, а вот на всеобщности предлагаемых способов эти проблемы решить, - всегда настаивали и будем настаивать. Не отрицают же Сироткин и Шакинова всеобщности для человечества всех проблем становления личности? Это было бы полным абсурдом.

Уже сказано, что мы никогда не считали свои взгляды чисто дефектологическими. Наоборот, всегда противопоставляли их дефектологии. Мы всегда заявляли, что нас не интересуют никакие "дефекты" сами по себе, а интересуется только становление личности вопреки любым "дефектам". Хотя и с учетом их. Если дефектологи относятся к дефектам также - в добрый час. Тогда нам нечего делить. Если же на деле за "дефектами" не видят живого человека, сколько бы ни клялись, будто о живом человеке только и пекутся - нам не по пути.

Людям, начавшим работать со слепоглухонемыми детьми, нужен был теоретический подход, максимально освобождающий их педагогическую практику от обезоруживающего, деморализующего неверия в какой бы то ни было успех, - от неверия заранее, до всякой попытки хоть что-нибудь сделать, по известному принципу: "Брось, а то уронишь". Признание "биологических факторов" отсутствия человеческого развития, таких, как врожденный идиотизм и врожденная лень, уж конечно, ориентирует не на психолого-педагогическое творчество, с целью помочь детям стать людьми несмотря ни на что, а на пожизненное обслуживание инвалидов, в лучшем случае на их дрессировку для конвейера, для зарабатывания денег примитивным трудом. Нужна была идеологическая основа для разработки психолого-педагогической стратегии воспитания личности вопреки слепоглухоте, - стратегии преодоления всех социальных последствий слепоглухоты, всего, что мешает слепоглухому быть человеком среди людей, личностью среди личностей. Словом, не о науке прежде всего думали люди, а в науке и идеологии искали опору для своей человечности, для своего нравственного максимализма.

Поиск этот с 20-ых годов вели и Л.С.Выготский, и А.Н.Леонтьев, и Н.К.Крупская, и А.С.Макаренко, и их более поздние последователи, в том числе Э.В.Ильенков, В.В.Давыдов и Ф.Т.Михайлов. В работе как со зрячеслышащими, так и со слепоглухими детьми задача была одна - воспитание личности. Да не какой-нибудь, а человеческой и творческой, всесторонне и гармонически развитой. Вопреки слепоглухоте как физической, так и социальной, поражающей бюрократов, обывателей и мракобесов при самых медицински здоровых глазах и ушах.

Задаче разработки психолого-педагогической стратегии воспитания коммунистической личности лучше всего соответствует, само собой понятно, психолого-педагогический

оптимизм, опирающийся на марксистско-ленинскую идеологию. Термин "изначальное формирование психики" - неудачный, двусмысленный. Дело ведь не в "формировании" и, тем более, "изначальности" самой по себе, а в цели "формирования", в том, что именно, чья именно "психика" "формируется". Кого вы воспитываете: личность, т.е. члена и полномочного представителя рода человеческого, - или робота, "частичную деталь частичной машины" (по выражению К.Маркса)? Кто или что для вас человек: то ли высшая ценность, самоцель, смысл абсолютно всего, - то ли болванчик для манипулирования, средство для достижения каких бы то ни было внечеловеческих, античеловеческих целей?

Науку нельзя отрывать от нравственности. Нельзя отмахиваться от вопроса: наука для человека или человек для науки. Никто яростнее Э.В.Ильенкова не разоблачал новоявленных молохов - в виде ли компьютеров, в виде ли "науки вообще". Весь пафос любой работы Э.В.Ильенкова сводится к протесту против принесения человеческих жертв чему бы и кому бы то ни было. И ярче всего этот пафос именно в тех произведениях, проблемам работы со слепоглухонемыми детьми посвященных, которые цитируют Сироткин, Шакенова и Кондратов. В статье "Становление личности (к итогам научного эксперимента)" Э.В.Ильенков так формулирует суть дела:

"Вот они - две мировоззренчески несовместимые, идеологически противоположные концепции воспитания.

"Одна, не умея ни понять, ни осуществить процесс воспитания полноценной человеческой личности, нацелена лишь на "модификацию поведения" - на стандартизацию мышления и психики (а это равносильно умерщвлению таланта и там, где он каким-то образом независимо от этой "педагогике" и вопреки ей сумел возникнуть).

"Другая, научно поняв тайну процесса "рождения души", исходя из ясного понимания реальных - материальных - условий возникновения и развития человеческой психики, вплоть до высшей ее фазы - фазы таланта, фазы личности, - экспериментально-практически доказала, что она может и потому обязана вырастить из каждого ребенка гармонически развитого, социально активного человека" ("Коммунист", №2, 1977).

Утверждение Сироткина, Шакеновой и Кондратова, что эта вторая концепция "не срабатывает" в Загорске, основано на невесте откуда взявшемся убеждении, будто в Загорске опираются именно на эту концепцию. Между тем там опираются на узкий дефектологизм - разновидность концепции, нацеленной на "модификацию поведения" (в данном случае - на модификацию в зависимости от сочетаний "дефектов"). И то, что из загорского учреждения личности почти не выходят,

свидетельствует о крахе именно узкого дефектологизма. В приюте воспитание личности невозможно.

Если признается факт полной деградации личности по какой бы то ни было причине в каком бы то ни было возрасте, то надо признать и факт полной, стопроцентной социальности, формируемости, воспитуемости личности. Тот факт, яростно оспариваемый всеми биосоциальными эклектиками, в том числе Сироткиным, Шакеновой и Кондратовым, - что личностью нельзя родиться, а можно только стать. Ибо если возможна полная деградация личности, то ничего врожденного, генетически унаследованного в личности нет. Все наследуется чисто социально, общественно, путем преемственности поколений. Будь иначе, генетически наследуемая часть личности никак не могла бы деградировать. Разве что куда -то испарился бы генетический код.

Нет, конечно, мы не считаем, что личность вообще ничем не обязана матушке-природе. Обязана. И прежде всего пластичностью тела, его свободой от какой бы то ни было генетически закрепленной специализации. Возможность научиться чему угодно создается именно полной изначальной, врожденной, наследственной беспомощностью, неумелостью, незащитностью. Здоровой генетике мы обязаны полной свободой от нее в своей человеческой жизнедеятельности. В том числе свободой от всевозможных мифических безусловных рефлексов типа рефлексов "что такое?", коллекционирования, агрессивности и т.п.. Не будь этой свободы, не было бы самого главного, без чего никакое существо никогда не станет разумным, - не было бы универсальности, возможности овладеть чем угодно, стать кем угодно. Личностями масштаба Э.В.Ильенкова и А.И.Мещерякова, или же дешевыми демагогами...

Марксизм несовместим с признанием мифических рефлексов. Вот как издевались К. Маркс и Ф. Энгельс над Максом Штирнером, одним из "отцов" немецкого анархизма, рассуждавшим в книге "Единственный и его собственность" о "прирожденных" поэтах, музыкантах и "ограниченных головах" (последние, по Штирнеру, составляют "самый многочисленный класс людей"):

"Санчо" (Штирнер) "и на этот раз выбрал свой пример с обычной неловкостью. Если принять всю его бессмысленную болтовню о природенных поэтах, музыкантах, философах, то его пример доказывает, с одной стороны, лишь то, что природенный и т.д. остается тем, что он уже есть от рождения, - именно поэтом и т.д., поскольку он становится, развивается, может "в силу неблагоприятных обстоятельств" не стать тем, чем он мог бы стать. Таким образом, его пример, с

одной стороны, не доказывает ровно ничего, а с другой - доказывает обратное тому, что следовало доказывать; с обеих же сторон вместе, он доказывает, что Санчо от рождения или в силу обстоятельств принадлежит к "самому многочисленному классу людей". Зато он разделяет с этим "классом" и со своей "тупостью" то утешение, что он - единственный "тупица".

"...Но самая страшная беда приходит напоследок. Санчо, не довольствуясь тем, что ему уже давно полностью отсчитаны "три тысячи и триста плеток по мощным ягодицам", сам наносит себе под конец еще один удар, и самый главный, провозгласив себя фанатиком рода. И каким еще фанатиком! Во-первых, он приписывает роду разделение труда, ибо делает его ответственным за то, что одни люди - поэты, другие - музыканты, третьи - школьные наставники; во-вторых, он приписывает роду существующие физические и интеллектуальные недостатки "самого многочисленного класса людей" и делает его ответственным за то, что при господстве буржуазии большинство индивидов подобны ему самому. Если придерживаться его взглядов на природные ограниченные головы, то пришлось бы объяснять теперешнее распространение золотухи тем, что род находит особое удовольствие в таком положении, когда природные золотушные конституции составляют "самый многочисленный класс людей". ... Как прежде Санчо объяснял всю изуродованность индивидов, и тем самым их отношений, навязчивыми идеями школьных наставников, не интересуясь тем, как возникли эти идеи, так теперь он объясняет эту изуродованность чисто физическим процессом рождения. Он совсем не задумывается над тем, что способность детей к развитию зависит от развития родителей и что вся эта изуродованность, имеющая место при существующих общественных отношениях, возникла исторически и точно так же историческим развитием может быть снова уничтожена. Даже естественные родовые различия, как, например, расовые и т.д., о которых Санчо ничего не говорит, могут и должны быть устранены историческим развитием. Санчо, который по данному поводу украдкой заглядывает в зоологию и при этом делает открытие, что "природные ограниченные головы" являются самым многочисленным классом не только среди овец и волков, но так же и среди полипов и инфузорий, у которых вовсе нет голов, Санчо, вероятно, слышал краем уха, что и породы животных возможно облагораживать и путем скрещивания пород создавать совершенно новые, более высокие виды как для наслаждения людей, так и для их собственного самонаслаждения. "Почему бы не" сделать нашему Санчо некоторый вывод и по отношению к людям?" (К.Маркс, Ф.Энгельс. Об искусстве. т.1, "Искусство", М., 1976, стр. 135 - 137.)

Не в бровь, а в глаз всем современным биосоциальным

эклетики! Приведенная выдержка не оставляет никаких сомнений насчет того, что думали К.Маркс и Ф.Энгельс о "биологическом факторе" человеческого развития.

"Факты показывают, - пишет в нашей жизни А.Кондратов, - что чем более высокого уровня достигает психика, тем в большей степени вплетаются в нее остаточные зрительные и слуховые образы и, наоборот, чем раньше наступает слепоглухота, тем ниже уровень интеллектуального развития человека. Однако" (не иначе вопреки фактам) "младший научный сотрудник института общей и педагогической психологии АПН СССР А.Суворов выступил в поддержку концепции, отметив, что психику отдельных слепоглухих приходится формировать не "с нуля", а с некоторой долей отрицательной величины, имея в виду преодоление стойкого стереотипа пассивного образа жизни. Концепция искусственного формирования психики восходит к К.Марксу и даже Гельвецию. Гельвеций говорил о всемогуществе воспитания..."

Как видно, оппоненты наши глуховаты к нашей аргументации. Поэтому небольшая фактическая справка. Я говорил, что "концепции искусственного формирования психики" не существует. Есть не "концепция", а методологический принцип, - назовем его принципом педагогического оптимизма, - восходящий к К.Марксу, к Гельвецию, а возможно и дальше, вглубь веков. Суть его в том, что люди могут быть воспитаны лучшими, чем есть, что в этом направлении стоит работать. От воспитательной работы не надо отказываться ни под тем предлогом, что "таким уж уродился", ни под более ранним, что "таким уж бог сотворил". "Концепций" же в рамках этого принципа может быть великое множество. "Всемогущество воспитания" - одна из них, доводящая принцип педагогического оптимизма до конца, без каких-либо уступок - в XVIII веке, когда жил Гельвеций, не "биологическому фактору", а Господу Богу.

А.Кондратов продолжает: "Профессор М.Ярошевский заметил по поводу выступления А.Суворова: "Действительно, Гельвеций утверждал, что воспитание - это все, но уже Дидро поправил: "Скажите - многое". К.Маркс также критиковал этот тезис. И пока господствует внеисторический подход как к развитию психики слепоглухонемых, так и к самой теории ее развития, нельзя утверждать, что Соколянский создал некую завершенную теорию, которую сегодня нужно лишь защищать или опровергнуть. Но, с другой стороны, поскольку любая теория эволюционна, мы не должны превращать Э.В.Ильенкова или кого-нибудь другого в идола. Необходимым условием развития любой отрасли знания является диалог".

Мы не против диалога, только бы необходимым результатом его не оказалась несъедобная эклектическая окрошка, в

которой истину от заблуждения и правду от лжи невозможно отличить. Но то ли Кондратов так добросовестно цитирует, то ли сам почтенный историк науки ухитрился забыть, что, ссылаясь на факт критики, необходимо уточнить, с каких позиций К.Маркс критиковал тезис Гельвеция? Во всяком случае не с позиций отстаивания "биологического фактора" человеческого развития.

А критиковал К.Маркс Гельвеция с позиций революционера. Не за то, что Гельвеций позабыл "биологический фактор", а за то, что недостаточно учел социальный. И не одного Гельвеция, а весь французский материализм XVIII века. Ибо признание решающей роли воспитания для материалистов до К.Маркса означало признание решающей роли не социального фактора, а фактора среды вообще, в том числе и социальной. Перенос акцента со среды вообще на среду социальную произошел позже, когда наука окончательно освободилась от религии, доказав, что человек - не творение сверхъестественных сил. Вчитаемся в третий тезис К.Маркса о Фейербахе в первоначальной, собственно марксовой редакции:

"Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно вынуждено поэтому делить общество на две части - из которых одна возвышается над обществом.

"Совпадения изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика" (К.Маркс и Ф.Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., Политиздат, 1966. стр. 103).

Да, воспитание всемогуще, но не во всяком обществе, а только в революционно преобразованном и преобразуемом. Изменять - воспитывать человека - значит изменять человеческую деятельность, а для этого надо изменять и обстоятельства, в которых человеческая деятельность протекает. Человека изменить нельзя, не меняя всей "совокупности" (или как перевел Э.В.Ильенков, всего "ансамбля") общественных отношений. Изменять "ансамбль всех общественных отношений" и значит изменять человека, ибо "сущность человека" и есть "ансамбль всех общественных отношений" (тезис 6). Вне революционной практики, направленной на изменение "ансамбля всех общественных отношений", воспитание не "всемогуще", а беспомощно так же, как любое добренькое либеральное пожелание. Как видите, К.Маркс дополняет "всемогущество воспитания" не "биологическим фактором", а революционной практикой. "Биологическим же фактором" дополняют (и опошляют)

воспитание только "прирожденные ограниченные головы" вроде Макса Штирнера.

Есть "прием полемики", слишком хорошо известный и состоящий в том, чтобы приписать оппоненту мысли, которые тому даже и не снились, а затем лицемерно сожалеть или торжествовать, какой глупый оппонент попался. У противников И.А.Соколянского, А.И.Мещерякова и Э.В.Ильенкова "прием" этот в большом ходу. В статье А.Кондратова читаем:

"Доктор психологических наук, главный редактор "Психологического журнала" А.Брушлинский отметил, что результаты обучения и воспитания слепоглухонемых в 70-е годы пытались использовать как доказательство того, что природные задатки не играют никакой роли в психическом развитии человека, однако такого доказательства нет и быть не может".

Слово для ответа предоставляю популяризатору науки, писателю Карлу Ефимовичу Левитину, и его собеседнику Александру Ивановичу Мещерякову. В начале 70-х годов К.Е.Левитин написал замечательный репортаж "Лучший путь к человеку", насыщенный подлинными документами и записями бесед с А.И.Мещеряковым, Э.В.Ильенковым и другими людьми. Благодаря строжайшей документальности на репортаж можно ссылаться так же спокойно, как на любой научный источник по тифлосурдопедагогике.

"- Александр Иванович, я читал вашу кандидатскую диссертацию, которую вы делали у Лурии, - она вовсе не о слепоглухоте, даже вообще не связана с дефектологией. Вы тогда вели совсем другие эксперименты: изучали мозг, точнее, лобные его доли, пытались установить, какой отдел за что ответственен. И вы сами же пишете, как даже незначительное поражение этих лобных долей приводит к тому, что распадается личность - рушится сложившаяся иерархия ценностей, человек не знает, что делать в первую очередь, что - потом, а в худшем случае и вообще теряет цель: начинает, скажем, мыться под душем и не может остановиться, потому что не знает, зачем он всем этим занимается.

"Так вот, я вас спрашиваю: неужели вы, умеющий мыслить как физиолог, верите, что психика человека не зависит от того, какой мозг он получил в наследство? Ну, пусть эмоции, память, возбудимость, талант, допустим, не передаются генетически. Но ведь устройство мозга, его морфология - разве они никак не влияют на личность человека?"

"- Да кто вам сказал такое? Не только морфология мозга - любая особенность человека может коренным образом изменить его психику. Вот в Гуменках, рязанской деревне, где я родился, был у нас сосед, его так и звали - Ванька Рыжий. Мы, мальчишки и девчонки, не давали ему проходу. Сколько лет прошло, а я все помню дразнилку: "Рыжий красного спросил:

чем ты бороду красил?" И что же? Парень стал замкнутым, невротиком, заикой - вся жизнь погублена из-за одной только особенности - цвета волос. Или вот совсем другой пример. Психология красивой девушки и дурнушки - между ними пропасть. А причина - некоторые морфологические особенности в строении тела. А уж морфология мозга - да тут мы просто еще ничего не знаем...

"Но обратите внимание: все эти особенности - цвет волос, изгиб носа, - влияют на психику человека не сами по себе, а только благодаря обществу - через людей. Дурнушка в нашем понимании окажется красавицей для других людей. Вот в этом смысле мы с Эвальдом Васильевичем и говорим, что психика человека социальна. Какие бы особенности своего мозга он ни унаследовал, что бы ни передалось ему генетическим путем, лишь общество может побудить человека развивать те или иные задатки или бороться с ними. Мы наследуем массу предрасположенностей к тому, чтобы стать Бетховеном, или Репиным, или каким-нибудь Рокфеллером, но только малая часть из них реализуется благодаря другим людям, среде, обществу. А на наших слепоглухих детей общество поначалу не может оказать никакого воздействия, и их психологические данные никак себя не обнаруживают" (К.Левитин. Лучший путь к человеку. (репортаж из детского дома). - В книге: К.Левитин. Все, наверное, проще... "Знание", М., 1975).

Итак, "биологический фактор" играет в становлении личности огромную роль, отрицать которую никто ни сном ни духом не собирался. Но свою роль он играет не сам по себе, а лишь преломленный в системе человеческого, социального, взаимодействия. И прежде всего преломленный в предметно-деятельностном общении между людьми, в котором, как не устают подчеркивать Ф.Т. Михайлов, мы взаимно служим друг другу органами человеческой жизнедеятельности, и в которое (общение) ребенок включается не только в первые же минуты после своего появления на свет, но даже раньше, еще в материнской утробе.

Соотношение социального и биологического в человеке - самый главный, пожалуй, "спорный пункт". Потому я и остановился так подробно на разоблачении нелепостей, что в этом пункте нам приписываются. А черту под всеми этими рассуждениями подведу замечательными словами Э.В.Ильенкова, - лучше, яснее сказать невозможно:

"Будем логичными. Если про среду сказали, что она "примерно одна и та же", то и про людей надо сказать, что они "примерно одни и те же". Тогда это будет верно. А если про людей говорят, что они разные, то надо быть справедливыми и по отношению к среде. А то в среде видят

сплошное "одно и то же", а в людях - только различия. А потом не понятно, какая тут может быть "корреляция".

"Так очень многое становится "непонятным" - не только различия людей, но и тот факт, как эти люди, несмотря на их очевидные различия, все-таки объединяются в один и тот же класс, в одну и ту же семью. Причем буквально, а не "примерно" одну и ту же... Из биологических различий удастся с грехом пополам понять разве что только семью. Да и то не до конца и далеко не в главных ее "параметрах".

"Не надо сваливать ответственность за социально обусловленные различия на ни в чем не повинную природу. Ни в психических различиях, ни в психическом тождестве людей она ни капельки не виновата. У психических явлений совсем другая "субстанция", чем у мозга, - человеческий труд, коллективная деятельность людей, преобразующая природу, в том числе и природу органического тела самого человека. Природа, создав мозг кроманьонца, сделала все, что могла, и сделала хорошо: создала чудесный орган, способный ко всему именно потому, что заранее, анатомически он не способен ни к чему, кроме одного - удивительной способности усваивать любые способы работы. А уж какое именно употребление мы из этого чудесного дара природы сделаем - это зависит от нас, и только от нас самих, от высоты развития нашей культуры. Вот и будем лучше заботиться о том, чтобы эта культура (и музыкальная, и философская, и врачебная, и всякая иная) была по возможности богаче и выше". (Э.В.Ильенков. Психика и мозг. Ответ на статью Д.И. Дубровского "Мозг и психика". - "Вопросы философии", N11, 1968).

Сироткин, Шакенова, Кондратов, а также профессора и доценты, спустившие на нас этих неправедных "судей", особенно шумят из-за остатков зрения и слуха у четырех слепоглухих выпускников МГУ - Н.Н.Корнеевой (по мужу Крылатовой), Ю.М.Лернера, С.А.Сироткина и А.В.Суворова. Дескать, ради пущей сенсационности остатки зрения и слуха у "четверки" скрывались от широкой публики, а когда правда все-таки выплыла наружу, В.В.Давыдов и Ф.Т.Михайлов стали уверять, что в личностном становлении "четверки" злополучные "остатки" никакой роли не сыграли и сыграть не могли. "На самом деле они не слепоглухонемые!" - в один голос вопиют наши "правдолюбцы", и среди них Сироткин.

Прямо сказать, гнусность это редкостная - возмущаться тем, что люди не абсолютно и не от рождения слепы, глухи и немые. Вот если бы, мол, абсолютно и от рождения, тогда ваш эксперимент, пожалуй, доказывал бы что-то, а так он не доказывает ровно ничего.

На самом деле никто ничего им "доказывать" не собирался

по той простой причине, что они абсолютно, хоть и не от рождения, слепы и глухи к любым доказательствам. И сейчас я ни капельки не заблуждаюсь насчет того, что с этими "правдолюбями" не стоит ввязываться в какие-либо дискуссии. Разговор у меня с людьми беспристрастными и человечными, желающими разобраться в сути дела. Уверен, что таких людей среди читателей большинство.

Итак, слепоглухонемые мы или нет? При решении этого вопроса логика точь-в-точь та же самая, что и при решении предыдущего вопроса о роли "биологического фактора" в социальной жизнедеятельности людей. Для И.А.Соколинского, А.И.Мещерякова, Э.В.Ильенкова и их последователей, к числу которых я с гордостью отношу и себя, главное - это значение зрения, слуха и речи в чисто человеческой, личностной, социальной жизнедеятельности. Можно ли, иначе говоря, пользоваться остаточными зрением, слухом и сохраненной (либо специально "поставленной") речью в принципе точно так же, как зрением, слухом и речью пользуются здоровые люди? Устной речью (дикцией) все мы четверо так и пользуемся, и нас, хоть и не всегда с первой встречи, неплохо понимают. Значит, о немоте говорить не приходится. Что же касается зрения и слуха, то при всех "остатках" опираемся мы главным образом на осязание. Читаем только по системе Луи Брайля (рельефно-точечный шрифт). Пишем от руки и на машинке по Брайлю, а по-зрячему - только на плоскопечатной машинке. что в принципе можно делать, совсем не зная "зрячей" письменности.

Я, например, на "зрячей" машинке печатать научился несколькими годами раньше, чем запомнил конфигурации прописных - "печатных" - букв, а "зрячие" цифры вы зубрил уже после университета; все это мне понадобилось для широкого общения со всеми грамотными людьми, владеющими русским языком, посредством письма на моей ладони (пальцем либо непишущим концом ручки или карандаша). Главное для нас всех четырех - дактильный - пальцевый - алфавит, а дикция используется лишь для "обратной связи" со слышащими. Все это и значит, что мы все четверо - слепоглухие и останемся ими до тех пор, пока ведущую роль в наших контактах с внешним миром будет играть осязательное восприятие, а не зрительное и слуховое. Из "четверки" абсолютно слеп только Сироткин, а у остальных разная степень светоощущения, - хуже у меня, несколько лучше у Крылатовой и Лернера. Зато у Сироткина, родившегося тугоухим, самый хороший остаточный слух, позволяющий уверенно понимать устную речь хорошо знакомых. Я свой слух использую главным образом для прослушивания громкой музыки; Крылатова своим незначительным остаточным слухом пользуется эпизодически, для самой грубой

ориентировки в окружающих шумах; а у Лернера остаточный слух так ничтожен, что совсем не используется в жизни, т.е.

Лернера можно считать абсолютно глухим.

Вообще здоровый человек может быть слепым и глухим даже при самых здоровых глазах и ушах, если для жизни в мире они не используются, а применяется лишь осязание. Ибо никто не рождается с готовым умением смотреть, слушать, щупать и т.д. Ощущать и воспринимать, т.е. использовать органы чувств по назначению, надо учиться. И пока не научишься - ты слеп, глух, лишен обоняния, осязания и всех прочих чувств, сколько их там может быть у человека. В этом смысле можно сказать, что все мы рождаемся не только слепоглухонемыми, но и лишенными вообще всех "чувств", и обретаем их ровно в той мере, в какой научаемся упрялять сознательно соответствующими рецепторами, - если они, конечно, в полном или относительном анатомо-физиологическом порядке.

Так что Э.В.Ильенков сказал чистую правду, утверждая в статье "Становление личности", что Корнеева-Крылатова, Лернер, Сироткин и Суворов "...как были, так и остались физически слепоглухими и, если бы не специально разработанная наукой система воспитания, были бы обречены на бессознательное существование в мире мрака и безмолвия, и физического и духовного, и в прямом и в переносном смысле этих страшных слов. В мире, где есть лишь материя, но нет духа, нет психики, нет сознания и воли, мышления и речи, где есть лишь примитивные органические ощущения своего собственного тела, его физических состояний, но нет никакого образа внешнего мира. Даже самого смутного, не то что "адекватного".

В этом жутком предсказании нет ни тени преувеличения. Все так и было бы, все так и стало бы рано или поздно, ибо никакой иной перспективы не сулит абсолютное одиночество, создаваемое слепоглухотой. Одиночество это без научно грамотных усилий непреодолимо (особенно на первых порах после наступления слепоглухоты, когда преодоление одиночества еще не стало делом главным образом слепоглухого человека). В каком бы возрасте, по какой бы причине абсолютное одиночество ни наступило, деградации, распада личности избежать нельзя, если одиночество не будет не просто ослаблено, а полностью преодолено. Свою, например, судьбу мне предугадать нетрудно...

Я в конце концов был бы выведен из школы слепых как необучаемый вследствие глухоты. На первых порах проводил бы время дома в запойном чтении и безудержном фантазировании, пока, вполне возможно, не перестал бы различать свои фантазии от реальности. Сидел бы на шее у родных, зарабатывая гроши надомным трудом и получая пенсию по

инвалидности. Дикция моя, несколько ухудшившаяся и при моей действительной судьбе, была бы понятна только родным и ближайшим знакомым, т.е. для подавляющего большинства людей я был бы немым. При довольно поздней частичной утрате слуха (в девять лет) одиночество, и чем дальше, тем более абсолютное, было бы для меня неизбежно: среди детей и в детском саду, и в школе слепых, и в Загорске я всегда был одинок. Проблема включения в какой бы то ни было коллектив для меня всегда была едва ли не самой острой проблемой, и без героической, несмотря на мое собственное, нередко очень обидное сопротивление, помощи многих людей, в конце концов вынудивших меня самого к ним потянуться, - без помощи, непрерывно нарастающей и сейчас, - я как личность ни в коем случае не состоялся бы.

Э.В.Ильенков, глубоко понимавший суть дела, отдавал себе полный отчет в трагической бесперспективности нашего существования, при невежестве и убийственном "милосердии" родных и знакомых, если бы не нравственный и научный подвиг И.А.Соколянского, А.И.Мещерякова, самого Э.В.Ильенкова (ставшего лично для меня духовным отцом) и многих других людей.

Сироткин всегда на моей памяти был несколько преувеличенного мнения о своих возможностях, - как говорят психологи, обладал завышенной самооценкой (хотя и пророчил себе провал перед каждым экзаменом). Проявлялась эта завышенная самооценка в том, что заслугу собственного развития он всегда приписывал исключительно себе. Все он сам, никто не помогал, никому он ничем не обязан! Да как вы смеете утверждать, что он был бы идиотом, если бы не "выдающийся эксперимент" Соколянского и Мещерякова! Он вам не подопытный кролик, а личность! И он единственный в "четверке" настоящий слепоглухой. Остальные не настоящие, а только изображаются такими, дабы "выдающийся эксперимент" хоть что-нибудь доказывал.

(Что верно, то верно: Сироткин из нас самый настоящий слепоглухой, и не только физически. Это доказывается хотя бы его участием в походе против И.А.Соколянского, А.И.Мещерякова, Э.В.Ильенкова и А.В.Апраушева, - против людей, сделавших для него больше, чем для кого бы то ни было. Я тоже в юности оказался соавтором Шакеновой (тогда Серикалиевой) и Сироткина в книге "Обретешь друзей", которую, почти сразу после ее издания, сам же я стал называть "Обретешь Позор". Позора этого соавторства мне никогда никаким раскаянием не смыть.)

Никому никогда, кроме нескольких охочих до дешевых эффектов журналистов, не приходило в голову объявлять четырех слепоглухорожденными. Любой нормальный человек

скажет, что действительность и без сгущения красок трагична. Сделать трагедию оптимистической, обеспечив вопреки трагедии университетское - хотя бы и облегченное, с исключением математики и иностранного языка, - образование - это ли не заслуга, это ли не благодеяние! Да за это никакая благодарность не может быть чрезмерной. И незачем людям, сделавшим былью эту сказку, приписывать себе еще какие-то заслуги, вроде формирования "с нуля" психики именно этих четырех.

У А.И.Мещерякова и Э.В.Ильенкова речь всюду идет о принципиальной возможности изначального формирования личности и о тех методологических принципах и приемах, применение которых имеет всеобщее значение, - которые, "работая" у слепоглухонемых, тем более должны "работать" у зрячеслышащих. Дело не в том, в каком состоянии живые дети включились в психолого-педагогический процесс, а в стратегии этого процесса, без которой нельзя решить ни одного частного вопроса. Дело в том, в чем и как помогать любым детям с любого уровня, - нулевого или сравнительно высокого. И не надо путать этого с тем, кому и насколько удастся помочь, и почему в большинстве случаев не удастся, - потому ли, что стратегия педагогического оптимизма неправильная, или потому, наоборот, что от этой стратегии отказались ради стратегии дрессировки роботов.

Обвиняя Э.В.Ильенкова в извращении фактов, в том, что он якобы объявляет четырех слепоглухорожденными и сформированными "с нуля", - самым наглым образом извращают действительность, валят в одну кучу разные вещи сами Сироткин, Шакенова и Кондратов. Словом, они валят с больной головы на здоровую.

Жестовая среда общения задерживает словесно-речевое развитие, тормозит и вообще пресекает формирование мотива словесного общения. Но тем самым задерживается и интеллектуальное развитие. По заверению Сироткина и Шакеновой в "Психологическом журнале" "жестовикам" удастся сказать жестами и всем своим поведением все, что они вообще имеют сказать. В этом Сироткин и Шакенова видят проявление "нормальности" и "полноценности интеллектуального развития "жестовиков"". А на самом деле именно этот факт, что "жестовики" прекрасно обходятся жестами, свидетельствует о низком уровне развития их мышления, примитивизме интересов, - короче, о том, что сказать они имеют весьма немного.

Исторически заданная - и исторически меняющаяся - норма развития мышления предполагает умение видеть дальше собственного носа, дальше личного кармана и личных дряг. Предполагает культуру мышления, позволяющие если не решать,

то хотя бы ставить и обсуждать актуальнейшие проблемы человечества. Такая норма развития мышления предполагает соответствующую норму развития воображения и нравственности, прежде всего чувства ответственности за судьбу всего человечества, - норму, заданную К.Марксом, А.С.Пушкиным и другими лучшими из лучших людей.

Да, норма именно в том, чтобы равняться на лучших, тянуться за лучшими, быть среди лучших! А не в том, чтобы отгораживаться от всякой нормы формулой: "не по нашим возможностям", - избавляясь таким образом от необходимости быть человеком среди людей и от ответственности за свою бесчеловечность.

"Не будем выяснять, - пишет Э.В.Ильенков в "Становлении личности", - насколько достоверна статистика, определяющая наличный процент таланта" (по одним подсчетам 20, а по другим - только 6% населения земли). "Важно другое - она выражает совсем не то, что стараются ей приписать буржуазные идеологи. Она выражает тот факт, что при наличном - буржуазно-капиталистическом - способе разделения общественного труда лишь меньшинство индивидов оказывается в нормальных условиях человеческого развития и потому достигает нормы этого развития. Норма составляет тут привилегию. Остальные же этой нормы не достигают, поскольку система воспитания, созданная этой цивилизацией, задерживает их на том уровне развития психики, для которого доступна лишь чисто репродуктивная работа, исполнение извне навязанных действий, схемы и алгоритмы которой разработаны "талантливым меньшинством". Работа, вознаграждаемая за ее принудительный и нетворческий характер подачками-подкреплениями, на манер тех кусочков сахара, которые дают в цирке медведю, катающемуся на велосипеде. Когда же таких подачек оказывается недостаточно, в дело вступают "отрицательные подкрепления" - наказания... Посулы поощрений и угрозы наказаний, кнут и пряник - вот те способы "педагогического воздействия", с помощью которых буржуазная цивилизация добивается от своих работников соответствующего ее идеалам и стандартам "поведения".

Жесты - язык без письменности, без литературы, - следовательно, без сколько-нибудь прочных культурных традиций. Это и значит, что никакого "уровня интеллектуального развития" жесты не могут обеспечить, кроме самого низкого, примитивного. Ибо уровень развития мышления определяется только тем содержанием, которое удается осмыслить и выразить. "Интеллект", измеряемый подобно жидкости (в литрах) или массе (в килограммах), - это скучный, вульгарный, примитивный миф самых глупых философов, психологов, врачей и вообще обывателей.

В "Психологическом журнале" Сироткин и Шакенова бросают нам смешной упрек, что "строго" по нашим "схемам" и "концепциям", совершенно Сироткиным и Шакеновой не понятным, не вырос ни один ребенок. Сразу видно бюрократов! "Строго" по каким бы то ни было "схемам" вообще никто никогда не развивался и развиваться в принципе не может. "Схемы" - это лишь общие ориентиры конкретной работы в конкретных, крайне изменчивых, индивидуально-неповторимых, хотя в чем-то всегда и схожих ситуациях. Ориентиры - это маяки, помогающие не сбиться с психолого-педагогического курса, какой бы индивидуально-неповторимой ни была траектория движения. Этим ориентиры и отличаются от бюрократической инструкции, которой всегда рекомендуется строго придерживаться во избежание строжайшего наказания за инициативу. И плохо дело педагогики, превращающей ориентир в инструкцию! Такая педагогика обречена на крайней, до абсурда доведенный формализм. На то самое, за что справедливо упрекают "массовую", "обычную", - а не только загорскую! - школу лучшие современные педагоги, публицисты и просто честные люди, умные и человечные родители, страдающие от школьного формализма вместе со своими детьми.

Это бывает: так хочется ругаться, что нечаянно похвалишь. Обвиняя нас в том, что ни один ребенок "строго" по нашим "схемам" не вырос, Сироткин и Шакенова обвиняют нас в отсутствии по крайней мере такого "достоинства", как узколюбый педагогический формализм и догматизм. Спасибо на добром слове! Что еще тут скажешь?

Мы никогда и не претендовали на то, что мы уже все проблемы решили, и все у нас и в теории, и (тем более!) на практике получилось. Будь это так, оставалось бы только созерцать совершенное, а делать было бы нечего. Между тем, работы очень и очень много. М.Г.Ярошевский сказал ведь сущую правду, что И.А.Соколянский и А.И.Мещеряков завершённой теории не создали, которую остается только защищать или опровергать. Создан только фундамент, на котором еще строить и строить. В работе с детьми и в осмыслении этой работы можно и нужно пойти много дальше И.А.Соколянского, А.И.Мещерякова и Э.В.Ильенкова. Вперед к теории и практике становления личности, а не назад к биосоциальной эклектике.

Можно путаться под ногами и вопить, что ничего не получилось и не доказано. Нет ничего легче этой неблагоприятной роли, которую Сироткин, Шакенова и Кондратов играют не первые и, вероятно, не последние. Если же вы не желаете путаться под ногами у занятых делом людей, а всерьез намерены и сами заниматься делом, - помогите хоть одному живому ребенку стать полноценной личностью, без скидок на нездоровье, слепоглухоту и на "здравый смысл жестовика".

Встречая дешевый скепсис во всевозможных аудиториях,
Э.В.Ильенков предлагал самим скептикам попробовать сделать.
Сделайте сами! А гавкать - какой шавке ума не хватит.

Впрочем, к Сироткину и Шакиновой я бы этот призыв -
"Сделайте сами!" - не отнес. Детей жалко. И обвинения в
монополизме и лысенковщине как-нибудь переживу. Лишь бы дети
не испытывали на себе "педагогику", "модифицирующую
поведение" глядя на сочетания дефектов и "биологических
особенностей", - вроде врожденной лени и врожденной
глупости...

29 октября - 16 ноября 1988